

Нуриев Булат Дамирович

КАТЕГОРИИ "ЗНАНИЕ ЯЗЫКА" И "ЯЗЫК ЗНАНИЯ" И ИХ ВЗАИМНАЯ СВЯЗЬ

Статья посвящена анализу смысла и значения категорий "язык" и "знание", которые в их взаимной связи предполагают разграничение универсалий "языка знания" и "знания языка". Обосновывается, что рассмотрение сущности данных универсалий требует нового осмысления традиционного толкования языка и понимания знания. Решение данной задачи осуществляется путем критического анализа существующих точек зрения по вопросу интерпретации языка и знания. Подвергается исследованию структура знания с целью определения места для категории "язык" как ее элемента.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 1. С. 133-137. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

в полной мере осознавал всю значительность и весомость цели, которую был призван реализовать институт посредников, что, впрочем, не мешало им по прошествии времени изменить свое видение происходившего.

Отмена крепостного права в 1861 г. стала не только поворотным пунктом развития страны, но и серьезным испытанием для бесчисленного количества человеческих судеб. Существовавшая ранее связь между помещиками и крестьянами, обеспечивавшая длительное время безбедное существование дворянства, стала слабеть. Помещики потеряли занимаемые позиции и права не только в отношении собственных крестьян, но и оказались в непривычном для себя положении некоторой отстраненности от власти, чьей опорой они считались долгие годы.

Список литературы

1. **Блохин В. Ф.** Из истории цензурного реформаторства: государство и легальная печать России в политическом контексте (1865-1905 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). Вып. 30. С. 34-44.
2. **Дружинин Н. М.** Мировые посредники 1860-1870-х годов (к вопросу о реализации реформы 1861 г.) // Труды Института экономики и права АН ГрузССР. Тбилиси, 1968. Т. 15. С. 114-127.
3. **Захарова Л. Г.** Крестьянство России в буржуазных реформах 60-х годов XIX в. // Социально-политическое и правовое положение крестьян в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 194-207.
4. **Институт мировых посредников в реализации реформы 1861 года. Реализация реформы 19 февраля 1861 г. в Орловской губернии:** документы и материалы / под общ. ред. В. Ф. Блохина. Брянск: Курсив, 2012. Вып. II. 224 с.
5. **Корнилов А. А.** Деятельность мировых посредников // Великая реформа. М., 1911. Т. 5. С. 237-252.
6. **Мировой посредник.** 1863. № 5.
7. **Орловские губернские ведомости.** 1862. № 12. 24 марта.
8. **Орловские губернские ведомости.** 1862. № 31. 4 августа.
9. **Орловские губернские ведомости.** 1862. № 38. 22 сентября.
10. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1861. Собрание II. Т. 36. № 36660.
11. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 1291. 1857. Оп. 33.
12. **Скалдин А. Д.** В захолустье и в столице. СПб., 1870. 451 с.
13. **Чернуха В. Г.** Правительственная политика и институт мировых посредников // Внутренняя политика царизма (середина XIX – начало XX в.). Л., 1967. С. 197-238.

CONCILIATORS AND LANDED GENTRY: SPECIFICS OF INTERRELATION (BY THE MATERIALS OF OREL PROVINCE)

Novikova Alina Vladimirovna

Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky
alinovi@inbox.ru

The article examines created in accordance with the reform of 1861 institution of conciliators that was based on a number of new principles: publicity, autonomy, irremovability. On the basis of provincial periodical materials, archival documents the author shows the attitude of Bryansk district landowners to the activity of the state officials, who implemented intermediary functions. The events, which occurred in the district of Orel province, were in many ways typical for such type of relations in the whole country.

Key words and phrases: conciliators; landed gentry; marshal of the nobility; peasantry; charter; peasant reform; post-reform Russia.

УДК 101.81

Философские науки

Статья посвящена анализу смысла и значения категорий «язык» и «знание», которые в их взаимной связи предполагают разграничение универсалий «языка знания» и «знания языка». Обосновывается, что рассмотрение сущности данных универсалий требует нового осмысления традиционного толкования языка и понимания знания. Решение данной задачи осуществляется путем критического анализа существующих точек зрения по вопросу интерпретации языка и знания. Подвергается исследованию структура знания с целью определения места для категории «язык» как ее элемента.

Ключевые слова и фразы: язык; языковое поле; знак; знаковое поле; знание; сущность знания; структура знания.

Нуриев Булат Дамирович, к. филос. н.

Уфимский государственный университет экономики и сервиса
nurievbd@mail.ru

КАТЕГОРИИ «ЗНАНИЕ ЯЗЫКА» И «ЯЗЫК ЗНАНИЯ» И ИХ ВЗАИМНАЯ СВЯЗЬ

Многие философы, подвергая анализу вопросы, связанные с пониманием и языка, и знания, с определением и трактовкой содержания соответствующих этим реалиям категорий, стремятся создать теоретические концепции языка, под которыми имеются в виду теория языка и языкознание, философия языка и философия языкознания. Некоторые из них до сих пор ещё не осознают, что при таком подходе к их анализу ограничиваются

сами возможности решения проблемы понимания и толкования языка и знания, определения и трактовки соответствующих этим реалиям категорий. При этом упускается из виду то, что проблема трактовки языка и знания, содержания соответствующих им категорий дает лишь некоторую возможность больше обращать внимание на исследование отдельных вопросов конструирования теоретических концепций языка.

О необходимости исследования сущности знания и языка часто и больше говорят и пишут не только и не столько из-за важности и возможности исследования проблемы конструирования теоретических концепций языка, но и из-за необходимости решения вопросов понимания природы каждого из них, взятого в отдельности и рассматриваемого независимо друг от друга. Ведь в условиях существования противоречивых теоретических концепций языка особенно остро ощущается объективная потребность в исследованиях природы языка и содержания категории «язык». Выявление их сущности обуславливает вполне конкретное понимание знания вообще и в частности знания языка, с которым непосредственно связано толкование языка знания (и языков естественных и гуманитарных, технических и прикладных наук, языков международной коммуникации, межнационального общения). Из-за неоднозначной трактовки смысла и значения категорий «язык» и «знание» формируется разнообразное толкование сущности и знания языка, и языка знания.

Анализ содержания категорий «язык» и «знание» требует нового осмысления традиционного понимания знания и толкования языка, и в том числе знания языка и языка знания. Исходя из этого, мы попытались в данной статье проанализировать сущность и знания, и языка.

Язык и его природа

Необходимость исследования понимания языка обусловлена не только нерешенностью самой этой проблемы, но и попыткой отыскать нестандартные подходы к ее решению. В настоящее время понимание и толкование языка рассматриваются в основном в рамках так называемого знакового подхода, который связан с понятиями «знак» и «знаковая система». И в современной философии многие исследователи осуществляют интерпретацию языка в границах «знакового поля», включающего в себя универсалии «символ», «модель» и «код», «слово», «термин» и «текст», «понятие», «категория» и «знание». Но данные универсалии не приводят к созданию теоретических концепций языка. Они входят как основополагающие категории в структуру других теоретических концепций. Семиология, текстология, идеология, эпистемология, гносеология, теории символов, моделирования, кодирования и другие базируются на соответствующих им по названию категориях.

Знаки или знаковые системы сами по себе и непосредственно не выражают ни особенности языка, ни характерные его черты и не дают возможность наиболее полно «охватить» язык, а следовательно, и сформулировать понятийно-категориальный аппарат, приемлемый для понимания сущности знания языка. Кроме того, имеются сферы исследовательской деятельности, где язык как знак или знаковая система не решает ни одну проблему в области знания языка. Не зависит от ориентации на категорию «знакового поля» решение проблемы понимания языковой деятельности и языковой реальности, вопросов формирования и функционирования самих знаков и символов, кодов и моделей, в том числе букв, терминов и текстов, слов и понятий, высказываний и суждений.

Чтобы понять природу языка, необходимо расширить круг проблем, связанных с определением и толкованием категории «язык», и выйти за пределы «знакового поля». Этот круг охватывает вопросы понимания сущности и функций языковой деятельности и языковой реальности [12]. Наше обращение к проблеме понимания сущности и функций языковой деятельности и языковой реальности продиктовано попыткой понять способы решения вопросов формирования знаков и знаковых систем, понятий и категорий. До настоящего времени решение вопроса понимания и толкования языка не исследовалось в контексте прослеживания взаимной связи языковой деятельности с толкованием самого языка [7]. В философии и лингвистике не подвергались анализу, а следовательно, и не исследовались такие вопросы: «Что собой представляют универсалии “языковая деятельность” и “языковая реальность”?», «Каковы их функции в решении проблемы понимания и толкования природы языка?», «Как вписывается категория “язык” в саму структуру знания?».

В философии постановка и разработка данных вопросов ограничиваются констатацией факта существования разнообразного толкования либо языка, либо знания. При этом не рассматриваются смысл и значение категорий а) «знание языка» и «язык знания»; б) «языковая деятельность» и «языковая реальность» и в) их взаимные связи и зависимости. Решить проблему построения теоретических концепций вообще, в том числе и знания, возможно только путем употребления категорий, входящих в сферу «языкового поля», которая включает в себя универсалии «язык», «знание», «знание языка», «язык знания», «языковая деятельность» и «языковая реальность».

В данном случае появляется возможность проследить непосредственную зависимость от языковой деятельности формирования и функционирования знаков и знаковых систем, в том числе и слов, понятий и категорий, возникновения и существования теоретических конструкций и концепций [11]. Ведь результатом языковой деятельности являются созданные с ее помощью знаки и знаковые системы, и в том числе слова, понятия, категории, высказывания и т.д. Осмысление сущности языковой деятельности нацеливает исследование на выявление источника самой этой деятельности, под которым имеются в виду все те внутренние процессы, которые происходят в организме человека и вынуждают «работать» его язык, порождающий колебательные движения воздуха [9].

Ориентация на универсалии «языковая деятельность» и «языковая реальность» несет огромную логико-гносеологическую нагрузку в процессе постановки и разработки проблемы понимания природы языка. В частности, при этом появляется возможность проследить взаимную зависимость между языком и деятельностью, языком и реальностью и признать, что деятельность и реальность являются атрибутами (либо свойствами) языка. Именно исходя из признания того, что а) языку присущи атрибуты и б) деятельность и реальность

являются его атрибутами, можно говорить и писать о языковой деятельности и языковой реальности. Языковая деятельность и языковая реальность между собой взаимосвязаны и взаимно предполагают друг друга. Ведь языковая деятельность, имея свой собственный *источник* существования, одновременно предполагает формирование языковой реальности как *средства* своего проявления [8].

Нетрудно обосновать, что языковая деятельность выступает как *способ* создания и существования знаков и знаковых систем, т.е. слов, понятий и категорий, как *способ* формирования и функционирования теоретических концепций, как *способ* становления и совершенствования языка общения, языка знания, языка теории и языка науки. Языковая же реальность выступает как *средство* существования знания, как *средство* построения развития теорий и теоретических концепций, как *средство* совершенствования языка общения, языка знания, языка теории и языка науки. С помощью универсалий «языковая деятельность» и «языковая реальность» появляется возможность более детально и всесторонне решить все рассмотренные выше проблемы, заново выдвинуть многие дискуссионные и другие до сих пор ещё однозначно не разработанные проблемы темы языка и, таким образом, обозначить магистральную линию их исследования.

Понятие «знание» и его содержание

Проблема исследования вопроса о понимании сущности знания отнюдь не нова. Независимо от того, как бы понимали его сущность и функции, оно является одной из центральных категорий в философии. Ведь категория «знание» является базовой для всех видов и форм науки. И она всегда была и остается предметом философского дискурса. Почти все философы классического периода писали о знании, где особый статус приобретают такие проблемы, как «знание – сознание», «знание – мышление», «знание – разум» и т.д. При этом сторонники классической философии полагали в прошлом и ныне полагают, что одним из продуктов сознания, мышления и Разума выступает знание. Анализ знания представляется при этом в качестве некоей предварительной работы, расчищающей путь собственно философским размышлениям о сущности познания, сознания и мышления, Разума и рассудка. При таком подходе к вопросу анализа знания выявить его сущность не только трудно, но и практически невозможно.

В неклассической философии кто-то постоянно и развернуто, кто-то изредка и коротко писал и пишет о сущности знания. Но и в ней сохраняется отношение к знанию как продукту **деятельности** сознания и мышления, Разума и рассудка [10, с. 98-177]. Такое отношение к знанию в классической и в неклассической философии далеко неслучайно: оно связано с их особенностями. В устоявшейся в классической философии традиции признается, что сознание и мышление, дух, душа считаются суверенными, самостоятельными и самодостаточными и ни от чего не зависимыми, по крайней мере, в принципе, в идеале, хотя бы в процессе конструирования знания. В неклассической же философии сознание и мышление, дух, душа и Разум становятся «сверх-Я», который действует, творит и порождает не только знание, но и саму действительность. Именно поэтому не только знание, но и действительность, рассматриваются в ней как продукты их деятельности.

К сожалению, до настоящего времени в отечественной науке вопрос о природе знания не стал объектом всестороннего и целенаправленного исследования. Казалась бы, там, где выдвигается проблема исследования природы знания, речь должна идти о его сущности и структуре, об элементах этой структуры. Но в реальности в самой познавательной деятельности, когда рассматриваются вопросы о знании, речь в основном идет о познании и о его уровнях, о теориях и их методах, о науке и ее видах и формах [17]. При этом вопросы о природе знания, так или иначе, остаются в стороне от исследовательской деятельности.

Ученые, рассматривая вопросы, связанные с осознанием того, что такое знание, всегда интересовались проблемой толкования сущности самого знания [3; 15; 16; 18]. Осмысление данной проблемы становится особенно актуальным в условиях отсутствия единого взгляда на его природу. Ведь иногда даже утверждают, что «в первом приближении можно считать, что знание – это определенное представление всего чего угодно в сознании человека (в том числе и самого сознания)» [2, с. 5]. Именно такие утверждения вынуждают нас поставить вопрос о необходимости осмыслить саму природу знания¹.

История изучения вопроса о том, что есть знание, начинается со времен античной философии. «В европейской культуре это понятие ведет свое начало из древнегреческой философии, существует тысячелетия и вместе с тем не имеет однозначного, точного определения, продолжает оставаться предметом обсуждения и дискуссий», – отмечает Л. А. Микешина [6, с. 61]. Со времен античности данная проблема представляет собой настоящий «болевого нерв» философской мысли (Н. Ф. Овчинников).

Уже в то время знание рассматривалось как итог самого познавательного процесса, фиксируемый в содержании понятия как образа сущности предмета и функционирующий в соответствующих словах. Знание выступает в этой, уже отчужденной от непосредственного процесса мышления индивида форме и транслируется в самом обществе [13, с. 145]. Такую концепцию знания, которая сохранилась до наших дней, определяют как образную (репрезентативную).

Во второй половине XIX в. происходит становление некоей новой концепции знания, которую условно называют «понимающей» [Там же]. Такая концепция знания просуществовала на протяжении всего XX столетия. Она исходит из тезиса: «знать – значит понимать и, стало быть, иметь возможность реально владеть предметом» [Там же, с. 146]. Репрезентативная и понимающая концепции позволяют систематизировать существующие знания по уровням и функциям, объектам и предметам, типам и видам, формам и целям, а также методам и способам их создания.

¹ Отдельные вопросы соотношения знания и теории, их структуры рассматриваются в работах [5; 14, с. 211; 19].

В XX в. возникла и до сих пор функционирует так называемая «информационная» концепция понимания и толкования знания. «В современной формальной логике знание рассматривается как информация о той или иной предметной области, результаты которой фиксируются в предложениях на языке науки, с его логическими структурными элементами и их взаимными связями», – пишет Н. К. Вахтомин [3, с. 8]. Проблема получения знания становится здесь проблемой формально-логической выводимости знания. Ведь формальную логику интересует, как из одного знания следует другое. Когда в формальной логике речь идет о получении знания, то имеется в виду не его возникновение, а выводимость одних предложений из других, одних высказываний и терминов из других. Ее интересует формально-логическая выводимость одной информации из другой. При этом не дается ответ на вопрос: Что такое знание?

В. В. Ким полагает, что информация представляется в своеобразной форме – в коде, только в ходе расшифровки информации код превращается в факт сознания [4, с. 219]. Цитируемый автор стремится решить природу знания через осмысление сути сознания. Поэтому ход его мысли осуществляется в направлении «информация ↔ сознание ↔ знание». Здесь нераскрытыми остаются вопросы, связанные со способами и средствами трактовки информации и как знания, и как сознания. Можно лишь предположить, что в повседневной жизнедеятельности людей осмысление и трактовка полученной с помощью органов чувств информации осуществляется самими субъектами. Но это ещё не означает решения поставленного выше вопроса. Ведь определенную трудность представляет понимание результатов трактовки информации в качестве знания (или сознания).

В философской литературе имеются и другие варианты толкования информации как знания. Так, иногда говорят, что знание – это селективная, упорядоченная, определенным способом полученная и в соответствии с какими-либо критериями (нормами) оформленная информация. И информация, признаваемая в качестве знания, выступает в сознании людей как их знание. При этом можно утверждать, что такое знание выполняет свои социальные функции [1].

В настоящее время дискутируются вопросы: Как возникает и совершенствуется знание? Каковы средства и способы его получения? Каковы его виды и уровни, формы и законы функционирования и развития? И каким бы образом мы не проанализировали эти вопросы, проникнуть в самую сущность знания все же трудно [15]. Ведь знание вовсе не тождественно создаваемой нами совокупности знаков или знаковых систем, сплетению кодов, символов, сигналов и получаемой от органов чувств информации.

Совокупность знаков или знаковых систем, сплетение кодов, символов и сигналов могут обнаружиться и обнаруживаются как в написанном (безжизненном, «овеществленном», «опредмеченном»), так и в озвученном (одухотворенном, оживленном) виде. И они могут проявляться и проявляются как в «живой», «одухотворенной», так и в «неживой», «омертвленной» форме. В условиях неоднозначной трактовки природы знаков и знаковых систем некоторые философы утверждают, что мы не знаем, *из чего состоит знание*. Так, по мнению М. А. Розова, если бы мы знали, из чего вообще состоит знание, то тогда могли бы приступить к анализу его структуры (или строения). Согласно его мнению, мы не знаем, что именно должны анализировать, выявляя строение знания [16, с. 60-61].

Другая трудность, с точки зрения М. А. Розова, заключается в том, что анализ строения знания всегда тесно сопряжен с феноменологическим описанием явлений, с целевой установкой на объяснение феноменологических закономерностей. А относительно анализа структуры знания, как он полагает, такие установки, как правило, не фиксируются. Он считает, что поставленный выше вопрос отнюдь не такой уж простой. И отмечает, что анализ материала текста самого по себе ничего нам, в принципе, не дает. Если утверждать, что в состав теории входят идеальные объекты типа материальной точки или твердого тела, то тогда возникает необходимость исследования того, какую реальность мы вообще анализируем, где и как существуют эти идеальные объекты, каков способ их бытия вне нашего индивидуального сознания.

Цитируемый автор допускает существование идеальных объектов вне нашего (индивидуального) сознания. С его точки зрения, знание как некий объективный феномен представляет собой так называемый «третий мир». Этот «третий мир» и есть внеположенная по отношению к нашему сознанию реальность. Получается, что есть Природа, есть Сознание, есть и некий «третий мир» – мир идеальных объектов, и любая теория выстраивается относительно идеальных объектов [Там же, с. 59-61]. Но здесь он не рассматривает вопросы о том, что собой представляет идеальный объект, как мир идеальных объектов входит в самую ткань Природы и Сознания? И им не ставится вопрос о том, входит или не входит мир идеальных объектов в самую ткань Природы и Сознания?

Данный вопрос требует специального исследования. Здесь лишь отметим, что если идеальные объекты входят в ткань Природы, то знание, описывающее ее посредством идеальных объектов, выражает саму суть этой Природы. А если эти идеальные объекты не входят в самую ее ткань, то тогда мы имеем иллюзорное знание, не имеющее никакого отношения к реальной действительности. Во всех таких случаях выпадают из поля зрения специфика самого знания, вопросы его структуры и уровни, способы возникновения, существования и развития его видов и форм, методы и средства формирования, функционирования и совершенствования отдельных фрагментов знания. В философской литературе не обсуждаются вопросы, связанные со способами и средствами существования знания. Понимание сущности знания происходит только на уровне общего разговора и интуиции.

И здесь появляется возможность считать, что мир знаний многообразен, представлен разными системами (научными и обыденно-повседневными, паранаучными, околонаучными, псевдонаучными, эзотерическими – словом, ненаучными формами знания), обеспечивающими все грани человеческого бытия. Созданные на основе «общего разговора» различные виды и формы знания не имеют однозначного определения и до сих пор

продолжают оставаться предметом дискуссий. В философской литературе нет единого мнения и по вопросу о природе знания, но и по проблеме его структуры. В существующих в настоящее время отдельных исследованиях имеются самые различные варианты решения этих вопросов и проблем. Природа знания и его структура понимаются по-разному. И в прошлом, и ныне исследователи проблемы природы знания и его структуры не увязывали и не увязывают их ни со знанием языка, ни с языком знания.

Более конкретное рассмотрение природы знания и его структуры требует отдельного и более глубокого исследования вопросов понимания и толкования сущности знания языка и языка знания и их соотношения. Проблема исследования вопроса о понимании сущности знания языка и языка знания является, на наш взгляд, одной из центральных в решении вопросов: Что такое язык? И что такое знание?

Список литературы

1. **Абушенко В. Л.** Знание // Всемирная энциклопедия: философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.: АСТ; Минск: Харвест; Современный литератор, 2001. С. 373-375.
2. **Бургин М. С., Кузнецов В. И.** Введение в современную точную методологию науки: структуры систем знания. М.: АО «Аспект Пресс», 1994. 304 с.
3. **Вахтомин Н. К.** Генезис научного знания: факт, идея, теория. М.: Наука, 1973. 285 с.
4. **Ким В. В.** Семиотика и научное познание: философско-методологический анализ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. 412 с.
5. **Лебедев С. А., Лазарев Ф. В.** Структура и развитие научного знания // Введение в историю и философию науки: учеб. пособие для вузов / под ред. проф. С. А. Лебедева. М.: Академический Проект, 2005. С. 171-220.
6. **Микешина Л. А.** Философия науки: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом Международного университета в Москве, 2006. 440 с.
7. **Нуриев Б. Д.** Место и роль словосочетаний «языковая деятельность» и «языковая реальность» в понимании содержания категории «язык» // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 3 (38). С. 124-128.
8. **Нуриев Б. Д.** Место языковой реальности в процессе возникновения и функционирования сознания // V Садыковские чтения. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 45-51.
9. **Нуриев Б. Д.** Природа языковой деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. 1. С. 123-127.
10. **Нуриев Б. Д.** Проблема языка в философии: опыт аналитического исследования теории языка: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. 311 с.
11. **Нуриев Б. Д.** Функции языковой деятельности в становлении и развитии знания // V Садыковские чтения. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 18-31.
12. **Нуриев Б. Д.** Языковая деятельность и языковая реальность и их природа // Аспирант и соискатель. 2014. № 2 (80). С. 16-22.
13. **Райбекас А. Я.** Феномен знания // Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса: в 5-ти т. М.: Современные тетради, 2005. Т. 1.
14. **Рамишвили Г. В.** Вопросы энергетической теории языка. Тбилиси: Ганатлеба, 1978. 230 с.
15. **Розов В. М.** Происхождение и эволюция научного знания // Философия науки / ред. М. А. Розов. М.: ИФ РАН, 1997. Вып. 3. Проблемы анализа знания. С. 129-150.
16. **Розов М. А.** Строение научного знания (проблемы методологии и методики анализа) // Философия науки / ред. М. А. Розов. М.: ИФ РАН, 1997. Вып. 3. Проблемы анализа знания. С. 59-86.
17. **Рузавин Г. И.** Философия науки: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 400 с.
18. **Степин В. С.** Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
19. **Хомский Н.** Язык и мышление. Язык и проблемы знания. Благовещенск: РИО БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1999. 252 с.

CATEGORIES “KNOWLEDGE OF LANGUAGE” AND “LANGUAGE OF KNOWLEDGE” AND THEIR INTERRELATION

Nuriev Bulat Damirovich, Ph. D. in Philosophy
Ufa State University of Economics and Service
nurievbd@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the sense and meaning of the categories “language” and “knowledge”, which in their interrelation assume the differentiation of the universals “language of knowledge” and “knowledge of language”. It is grounded that the consideration of the essence of these universals requires new comprehension of the traditional interpretation of the language and the understanding of knowledge. The problem is solved by means of the critical analysis of the existing points of view on the issue of the interpretation of the language and knowledge. The knowledge structure is studied in order to identify the place for the category “language” as its element.

Key words and phrases: language; language field; sign; sign field; knowledge; essence of knowledge; structure of knowledge.